

«Без галстука» № 77 с Юрием Батуриным

ОТ РЕДАКЦИИ: Новым гостем серии интервью ПИР-Центра в формате «Без галстука» стал Юрий Батурин – помощник Президента России Б.Н. Ельцина по правовым вопросам и по национальной безопасности (1993 – 1996 гг.), секретарь Совета обороны (1996 – 1997), ученый, член-корреспондент РАН, летчик-космонавт и Герой Российской Федерации. Юрий Михайлович много сделал на начальном этапе развития ПИР-Центра, чтобы *проект ПИР* состоялся, он неизменно был и остается другом нашей организации.

Из интервью вы узнаете о детстве Юрия Батурина, о его университетах, о профессиональном пути в системе Академии наук, а также в аппарате помощников Президента России в 1990-х годах. Юрий Михайлович поделился с нами своими размышлениями о ключевых вопросах глобальной безопасности в период его нахождения на должности помощника Президента России по национальной безопасности, о роли книг и фильмов в его жизни. В интервью вы также узнаете почему, по мнению гостя интервью, Президент России Борис Николаевич Ельцин был против его полета в космос и почему полет все же состоялся в августе 1998 года. В конце интервью Юрий Батурин дал совет для молодых специалистов, которые только начинают свой профессиональный путь в области международной безопасности.

Интервью провел Артем Аствацатуров, стажёр ПИР-Центра. Оно публикуется в двух частях. Сегодня – часть первая. Вторую часть опубликуем через месяц.

Сегодня – день рождения Юрий Михайловича. Коллектив ПИР-Центра от всей души поздравляет его с праздником и желает здоровья, радости и всего самого доброго. Моря, гор, новых фотографий, новых книг!

«Никогда не сдавайся!»

Река, лес, велосипед, друзья и свобода: мое детство в Вербилках

Родился я 12 июня 1949 г. в Москве. Мое детство можно описать в нескольких словах: река, лес, велосипед, друзья и свобода. Мои бабушка с дедушкой жили в ста километрах от Москвы в поселке Вербилки [**прим. ред.** – посёлок городского типа в Талдомском городском округе Московской области; известен своим фарфоровым заводом, ведущим свою историю от фарфоровой мануфактуры Франца Гарднера, а затем Матвея Кузнецова].

Прекрасно помню, как сделал свои первые самостоятельные шаги, на тропинке, на другой стороне реки Дубны, напротив барского дома, как его тогда называли. Сейчас барского дома уже нет, он сгорел, в 1990-х гг., как это часто тогда случалось. А когда-то в нём жили мои бабушка с дедушкой, когда ему, как директору, дали в этой огромной, фактически коммунальной квартире, две комнаты.

На той тропке я и сделал свой первый шаг, не держась за мамину руку или стенку. Каждый год, и даже не раз в год, меня мама привозила в Вербилки и зимой, и летом. У меня там, конечно же, появились друзья ещё с первых лет жизни. Мне в Вербилках очень нравилось. Особенно свобода. Меня легко отпускали и на речку, и в лес за грибами. Не было постоянной опеки. И самая важная особенность Вербилки: все взрослые, не только родственники, разговаривали с нами, детьми, на равных, как со взрослыми. Это делало окружающий мир совсем иным.

В принципе, и в Москве тоже всё было достаточно свободно, потому что буквально во дворе дома, где мы жили, начинался Нескучный сад, с которым у меня связаны множество воспоминаний. Наш дом располагался на Калужской заставе, которой заканчивалась Москва и Большая Калужская улица. На этом месте располагаются два полукруглых дома, сейчас это площадь Гагарина.

*Вербилки. Барский дом.
Середина XX века. Не
сохранился (Из личного архива)*

В принципе, и в Москве тоже всё было достаточно свободно, потому что буквально во дворе дома, где мы жили, начинался Нескучный сад, с которым у меня связаны множество воспоминаний. Наш дом располагался на Калужской заставе, которой заканчивалась Москва и Большая Калужская улица. На этом месте располагаются два полукруглых дома, сейчас это площадь Гагарина.

У нас вся жизнь проходила в Нескучном саду. Родители не боялись отпускать нас гулять, потому что Большую Калужскую с ее интенсивным автомобильным движением нам не надо было переходить. Школа, когда мы до нее доросли, была тоже на той же стороне, в ста метрах от Нескучного сада. Дорога в школу занимала примерно 10–15 минут, а дорога обратно примерно три часа. Утром мы торопились к началу занятий, а обратно – это уже

была жизнь. Играли, прятались, чего-то искали... В общем, я проводил много времени в Нескучном саду.

Москва. Въезд на Большую Калужскую улицу (наш дом на заднем плане). Картина А.А.Ромодановской. 1956 г.

*Юра Батулин. 1952
(Фото из личного архива)*

Кстати, наша школа находилась и находится в двухстах метрах от президиума Академии наук. А напротив дома №30, в котором я жил, позже, в 1980-х гг. было выстроено здание Академии наук СССР. Там разместились институты, некоторые службы. Огромное здание, которое сегодня называют «золотые мозги» из-за стилизованных металлических блестящих куполов храма науки. И вот так получилось, что я и тогда ходил рядом с Академией наук. И в Президиуме Академии, на Ленинском проспекте, 14, у меня в 2010-х гг. был кабинет, а потом меня переместили в *золотые мозги*, и сейчас из окна моего кабинета я вижу окна нашей бывшей квартиры, окна в окна, почти напротив. Так детство закольцевалось, замкнулось на сегодняшний день

Президиум РАН (Ленинский проспект, 14)

Здание РАН (Ленинский проспект, 32а)

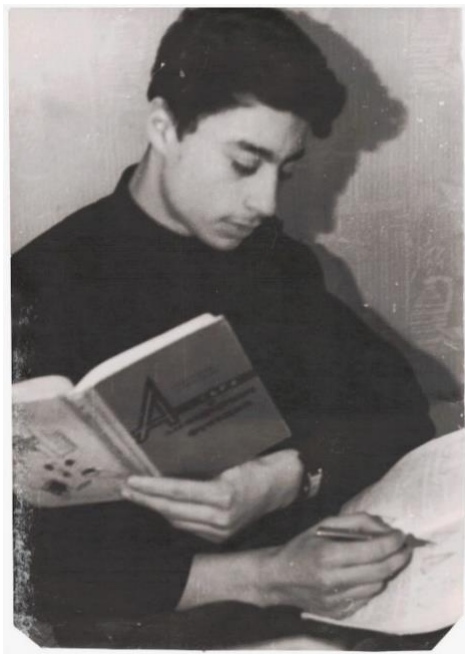
Итак, московская часть детства была достаточно свободна и хороша, но не шла ни в какое сравнение с вольной жизнью в Вербилках. И в 10 лет я совершил свой первый мужской поступок: сказал родителям, что хочу уехать к бабушке с дедушкой жить и учиться в школе там. Они очень удивились, но возражать не стали, и начался вербилковский этап детства. Жизнь в рабочем поселке, тогда почти деревне, вспоминается так. Лес и две реки (Якоть впадает в Дубну, а Дубна километров через 30 в Волгу). Летом купание, зимой хоккей на льду замерзшей реки. Полная свобода. Почти полная свобода, конечно. Уроки в школе. Возвращаться домой надо было к обеду, ужину (у бабушки было строго – река рекой, а обед по расписанию), а потом – к ночному часу. Так прошло мое детство. Прекрасное время. Наверное, лучшее время в жизни.

С бабушкой и дедушкой на реке Дубне. На переднем плане – Юра Батулин (фото из личного архива)

А потом родители сказали: пора возвращаться в Москву. Надо поступать в институт, а в московской школе подготовка лучше. И я вернулся в ту же школу, из которой уходил. В школе увлекся радиотехникой, выписывал журнал «Радио», паял и собирал маленькие портативные радиоприемники. Для родителей было удивительно: взял мальчик какие-то детальки, проволоочки, подпаял, чего-то подсоединил, и вдруг из динамика идет радиопередача. Наверное, так же сейчас мы смотрим на детей, которые столь же легко обращаются с современными информационными технологиями. Конечно, уже это была подготовка к институту. В этом моя мама сыграла большую роль, она была библиотекарем в одном из научных институтов. А библиотеки время от времени закупали книги на

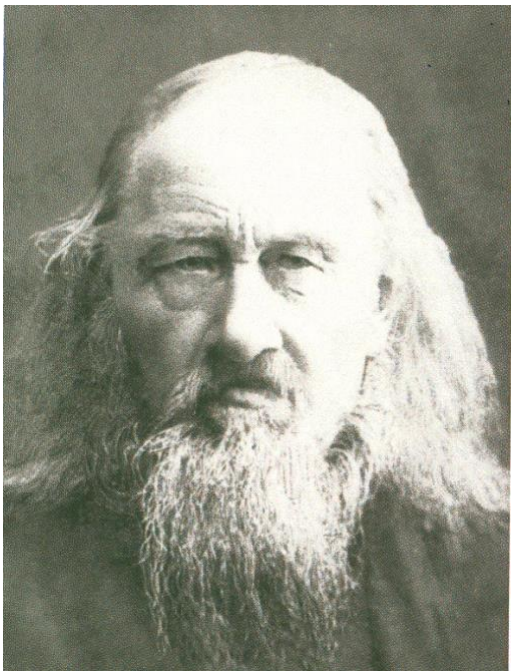
выделенные небольшие суммы для пополнения своих фондов. Десятилетия после этого многие сотрудники института благодарили мою маму за то, что в их библиотеке нашлось множество книг по математике, физике, пособия для поступающих в вузы, другие интересные книги, с помощью которых их дети готовились в институт. А все они были куплены для меня. Иногда я даже сам их покупал. Недалеко от нас находился Дом научно-технической книги. Он работает и сегодня, хотя и расширил ассортимент книг. Получив разрешение на закупку на определенную сумму книг, мама перепоручала задание мне. Я шел, выбирал, покупал, получал квитанцию, все передавал маме, а потом читал, в библиотеку они попадали уже после меня. Иногда мама тоже приносила хорошие книги, скажем, про Роберта Вуда, знаменитого физика-экспериментатора.

*Москва. 1965. Занятия
математикой. (Фото из
личного архива)*

Примечательно, что несколько поколений по линии моей мамы были сельскими священниками в Тверской области. Они заканчивали семинарии, кто-то духовную академию. Во всяком случае, образование у них было хорошее, собирались замечательные домашние библиотеки, и в семье царил культ образования и чтения. Достаточно широко известен Иван Степанович Белюстин своего рода духовный диссидент, современники называли его «духовным Щедриным» и «калязинским Лютером». Он боролся за гласность в духовной жизни, писал о плачевном положении дел в среде сельских священников. Наибольший резонанс вызвала его книга, изданная за рубежом, «Описание сельского духовенства в России».

Церковь запретила ее распространение. Синод приговорил его к ссылке на Соловки. Лишь слово Александра II спасло его от ссылки, но священнослужение было ему запрещено. В библиотеке родителей моей мамы сохранились и дореволюционные книги XIX века. И я их листал и читал.

Иоанн Степанович Белюстин (1819-1890)

*Прадед и прабабка Ю. Батурина
Василий Васильевич Белюстин
и Анна Васильевна Новоселова*

Не только священники, все в нашем роду стремились к образованию. Это давало результаты в самых разных областях. В наше время весь Советский Союз учился по учебникам Новоселова [**прим. ред.** — Сергей Иосифович Новосёлов — советский педагог-математик, автор школьных учебников]. Он был математиком и моим двоюродным дедушкой. Еще один математик Всеволод Константинович Белюстин, его сын Сергей Всеволодович Белюстин — физик. Был химик Анатолий Александрович Белюстин. Был филолог-латинист Никита Федорович Белюстин, избранный членом Общества любителей словесности годом позже А.С. Пушкина. Фёдор Лукич Морошкин — юрист, профессор Императорского московского университета, был достаточно известным преподавателем, до сих пор его упоминают. Сейчас, когда я и сам уже много лет профессор Московского государственного университета, мне очень приятно, что один из моих предков тоже там профессорствовал.

Думаю, теперь понятно, почему любовь к чтению у меня с самого детства.

Мы гуляли по улицам, и мама учила меня буквы складывать в слоги, а слоги в слова: «Ап-Те-Ка». К четырем годам я уже научился делать это свободно, и мне стало неинтересно читать вывески. Однажды подошел к отцовскому книжному шкафу и вытащил с нижней полки, куда только и мог дотянуться, свою первую книгу. Она меня привлекла своим красивым переплетом. Серый переплет с синими буквами и золотым тиснением. По переплету нельзя было понять, что это за книжка. Выбор чтения был случайным.

Оказалось, это второе издание (1944 г.) книги, опубликованной в, во время Великой Отечественной войны, в честь 300-летнего юбилея Исаака Ньютона. Ее автор, Сергей Иванович Вавилов, в 1945 г. был избран Президентом Академии наук СССР. Конечно, это серьезная книга. Но мне она была значительно интереснее, чем складывание букв на вывесках. Я три ее читал по слогам, хотя, естественно, ничего не понял, но очень многое запомнил. Мама рассказывала, что эти три дня я был абсолютно тихий, никому не мешал, ни к кому не приставал, не баловался, сидел себе тихо в своем углу. А прочитав, пришел к родителям и стал задавать вопросы: «Что такое астролябия?» Они очень удивились, откуда я знаю такие слова. Я ответил, что прочитал в книжке и показал нужную страницу.

Родители не поверили и стали задавать вопросы по содержанию. Но у детей же не память, магнитофон. Свой первый экзамен я сдал. Так моей первой прочитанной книгой, в мои четыре года, стала работа про Исаака Ньютона. Она и сегодня стоит у меня на книжной полке. А тогда отец сразу пошел покупать мне детские книжки с крупным шрифтом и картинками. Я их мгновенно проглатывал, но они мне уже стали малоинтересны.

Я мечтал стать летчиком

Что такое детские мечтания? Это нечто легкое, быстро меняющее очертания, как облако. Сегодня мечтаю стать летчиком, завтра – дипломатом, потом – инженером. Все очень просто меняется, и прежнее забывается. Из такой череды видений своего будущего, дольше всего и сильнее всего я хотел стать летчиком. Прочитал множество книг об авиаторах, благо на эту тему многое издавалось в советское время. Даже для маленьких детей. Например, Анатолий Маркуша, «Вам – влет».

Я разбирался не только в типах, но и в устройстве самолета, например, в третьем классе знал, что такое центроплан [**прим. ред.** – средняя часть крыла, присоединяемая к фюзеляжу или составляющая с ним одно целое]. Даже такое эпохальное событие как первый полет человека в космос не заставил меня отказаться от мыслей об авиации.

Кстати говоря, я прекрасно помню 12 апреля 1961 года. Прекрасно помню. Я учился во вторую смену, с утра был дома, читал книгу, был включен радиоприемник и вдруг раздались позывные, предвещавшие важное сообщение. Я, естественно, захотел его послушать, а тут как раз бабушка попросила меня сбегать за молоком, за творогом. Недалеко, но, думаю, побегу и сообщение пропущу.

Я все ждал и ждал, а сообщения все не было и не было. Бабушка нервничала, потому что я с места не сдвинулся. Через несколько лет, когда учился в институте, узнал, что тогда не только бабушка нервничала, но и Королёв на Байконуре, и Юрий Левитан [**прим. ред.** – диктор Всесоюзного радио, которому доверяли читать самые важные сообщения] в кабине с надписью «Эфир» подпрыгивал в нетерпении, но еще не получил разрешения читать сообщение ТАСС. А дело было так.

*После тренировочного полета. 1997.
(Фото из личного архива)*

Когда министру обороны доложили, что старший лейтенант Гагарин в космосе, и принесли представление на присвоение ему очередного звания капитан, маршал Малиновский сказал, что за такой подвиг присваивает сразу звание майора. Пока перепечатывали представление, собирали визы прошло более полчаса.

Но потом все уладилось: Левитану приказали читать сообщение, но вместо «капитан» произносить «майор», на Байконуре Королёв услышал то, что ждал, я тоже понял неординарность события и быстро доставил бабушке молочные продукты, она успокоилась, а народ выходил на улицу и ликовал.

И даже в такой ситуации я не изменил авиации. Только подумал: значит, наверное, правильно я мыслю, стану летчиком, а потом, может быть, и в космос полечу. Как-то так, осторожно подумал. Но в девятом классе у меня обнаружили легкую близорукость, и я понял, что в летную школу меня не возьмут. И уже не стоит стремиться в небо, следует подумать о другом пути.

И тогда я решил стать писателем. В юности у меня были совершенно неверные представления о возможном, должном и сущем. Почему-то мне казалось, что на пути к писательскому труду предварительно нужно поработать журналистом. Это неправильная логика. Тем не менее, я стал готовиться поступать на факультет журналистики и начал писать рассказы. Год ушел на то, чтобы осознать ошибочность моего решения. И в десятом классе я уже подумывал стать дипломатом.

Одновременно в девятом-десятом классах ходил по разным олимпиадам и неожиданно стал победителем олимпиады в Московском авиационном институте (МАИ). Мне вручили диплом победителя, я показал его в школе, и меня стали убеждать, что нужно идти поступать в МАИ или в другой инженерный институт.

Для меня это было не очевидно, пятерки по всем предметам не позволяли с уверенностью выбрать единственно верное направление. В конце концов меня как-то убедили в необходимости поступления на техническую специальность и в конечном счете я поступил на Физтех, в Московский физико-технический институт (МФТИ).

«Воспитывать ребенка нужно, когда лежит поперек, а не вдоль лавки»: учеба на Физтехе

Здесь сделаю маленькое отвлечение. Любой редактор, в том числе и ПИР-Центра, видя сочетание «на Физтехе» мгновенно зачеркивает предлог «на» и ставит «в». И ошибается. Потому что ассоциирует Физтех с институтом. Но все редакторы признают, что писать «на мехмате» или «на физфаке» вполне правильно, ибо тут речь идет о факультетах, а не об институтах. У Физтеха особая судьба: он был создан, как физико-технический факультет МГУ, и только через пять лет стал самостоятельным институтом – МФТИ.

А традиция говорить «на физтехе» (как «на физфаке», «на мехмате») осталась. И если сегодня выпускники Физтеха прочитают в моих воспоминаниях «в Физтехе», они не поверят, что я там учился. Остальным позволительно и «в».

Итак, я поступил на Физтех. На факультет радиотехники и технической кибернетики (ФРТК). Еще в школе мне очень понравилась книга Норберта Винера «Кибернетика». В те времена кибернетика была модной темой, как сегодня искусственный интеллект.

Хотя, в принципе, это оно и то же. Искусственный интеллект именно с книги Винера и начинался. Плюс к этому увлечение радиолюбительством, я рассказывал. Это и предопределило выбор факультета.

Когда я учился на третьем курсе, мне в каком-то журнале попалась фотография группы космонавтов, где я увидел, что один из них, Константин Петрович Феоктистов, гражданский инженер, не летчик, был в очках! И я понял, что судьба улыбнулась мне.

На столь шатком основании (фото космонавта в очках) я принял решение вернуться к своему плану стать космонавтом. Будь я повзрослее и взвесь шансы на успех на всех промежуточных этапах, то понял бы, что вероятность полететь в космос исчезающе мала, и отказался бы от такой амбициозной затеи. Слава богу, что тогда я неправильно рассуждал. А может быть, правильно. Может быть, так и надо – поставил цель, и вперед...

Для начала я решил перейти на факультет аэрофизики и космических исследований (ФАКИ). Но в какую учебную группу проситься? На ФАКИ было несколько групп, несколько специальностей, причем все под номерами, тогда же большинство из них были секретными.

Слава богу, во всех в институтах, и сейчас тоже, есть замечательная информационная система, которая называется «Общага». Там, если походить, поговорить со старшекурсниками, тебе все расскажут. Что стоит за этими номерами, почтовыми ящиками и так далее. На Физтехе, кстати, даже старались расселять первокурсников со старшекурсниками, чтобы они за *первокурами* приглядывали немножко, а те учились на примерах своих соседей. Пообщался я с опытными людьми.

Особенно помог Саша Серебров. У него были схожие планы, он по этой дорожке пошел раньше меня и через несколько лет стал первым космонавтом с Физтеха. Я совершенно

точно выбрал группу, пришел в деканат и попросился на эту специальность. И меня взяли именно в эту группу, на кафедру, которой заведовал член-корреспондент Академии наук СССР (позже он стал академиком) Борис Викторович Раушенбах, в прошлом правая рука Королева по системам управления. Учился у него на кафедре, слушал его лекции, то есть очень точно угадал.

*МФТИ. Юбилей академика
Б.В. Раушенбаха. 2000. (Фото из личного
архива)*

После окончания института стал работать на предприятии, которое тогда называлось Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ), потом его переименовали в НПО «Энергия», а сегодня оно всем известно как Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени академика Сергея Павловича Королёва. Там проработал почти 10 лет инженером.

МФТИ сыграл огромную роль в моем становлении, вообще в том, что из меня получилось. Первый институт — это не только образование, но ещё и воспитание, потому что молодыми мы податливей, из нас можно лепить все, что требуется, нас еще можно воспитывать. Вообще воспитывать ребенка нужно, когда он лежит поперек лавки, а не вдоль лавки. Но немного экстраполируя ситуацию, можно сказать, что первый институт воспитывает. Именно Физтех во многом меня сформировал, за что я ему очень благодарен.

*На Физтехе. 2024
(Фото из личного архива)*

Физтех научил меня правильной физической картине мира и строгости мышления в математическом смысле этого слова. Это очень важно. Физтех научил работать. Мы приходим на первом курсе на занятия, смотрим расписание, читаем: с 9:00 начинаются занятия, а заканчиваются лишь в 19:40, то есть, практически лишь к 8 часам вечера мы покидали учебные аудитории. Фактически 10-часовой рабочий день сразу на первом курсе.

А после ужина вновь в институт, в библиотеку, в читальный зал делать задание до полуночи. С утра снова на занятия. Сегодня я завкафедрой вижу, что не хватает нужных знаний студентам, нужно и такой курс им прочитать, и другой... Говорю в деканате: поставьте в расписание. Нельзя. Студентам отдыхать надо. Режим труда и отдыха. А нас научили работать без оглядки на установленный режим труда и отдыха.

Это мне, кстати, помогло, когда я пришел в отряд космонавтов, и тоже надо было рано вставать и далее подготовка по часам и минутам расписана. Правда, не до 19:40, до 18:00 занятия, но иногда и позже. А потом самоподготовка.

Однажды я получаю расписание, и там последней строкой стоит «23:30 — ...». Я, понял, конечно, но сходил в учебный отдел, и смеха ради, спросил: что многоточие в расписании означает? Мне было интересно, что же мне ответят. Ответили совершенно замечательно: «А это значит, пока не упадешь». К такому «пока не упадешь» я был готов благодаря тому, что этому научили на Физтехе.

Академия наук – тогда и сейчас

Надо понимать, что такое Академия наук в те времена и сейчас. В Советском Союзе Академии наук РСФСР не было, а была одна большая Академия наук СССР, которая включала республиканские (кроме РСФСР) академии. Это была единая структура, налажены прочные связи академий союзных республик с Центром, и самое главное, было общее финансирование. Если кто-то в Академии наук Беларуси предлагал какую-то важную тему, и она принималась в сотрудничестве белорусских ученых, например, с московскими институтами, то финансировалась, в том числе, и через Академию наук СССР, через союзный бюджет, не только через республиканский.

С распадом Союза от АН СССР отпали Академии наук союзных республик, то есть потенциал Академии наук СССР, естественно, понизился, ибо от нее осталась только часть, находящаяся на российской территории. Я не сказал бы, что катастрофически, но все же упал, потому что многие выдающиеся ученые работали в других республиках, и институты там остались серьезные. Но и республиканские академии упали в своем потенциале.

Накануне распада СССР усилилась борьба республик, включая РСФСР, с «союзным центром». В январе 1990 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ «Об учреждении Академии наук Российской Федерации». Прошел съезд учредителей, сами себя назначивших академиками. В то же время та часть АН СССР, которая осталась в РСФСР, была по масштабам своим существенно значительнее, чем Академия наук любой из республик, включая вновь созданную российскую. После событий августа 1991 г. было решено объединить обе структуры. Так АН СССР трансформировалась в Российскую

академию наук. Она оставалась очень мощной научной организацией. Проблемы ее состояли, в основном, только в отсутствии денег, в финансировании. Принципы Академии наук, ее традиции, дух и академическая атмосфера сохранялись.

Москва. РАН. С академиком Б.Е. Патоном

Сошлюсь на мнение академика АН СССР, а потом и РАН, Бориса Евгеньевича Патона. Мне посчастливилось быть с ним знакомым и даже дружить. В 2012 году брал у него интервью и задал вопрос, похожий на ваш. Борис Евгеньевич ответил так: «Российская академия наук все же осталась ведущей академией. Я не устаю говорить им всегда (а я на всех общих собраниях бываю, на всех), что Российская академия наук – самая мощная и самая, так сказать, действенная академия наук в мире, что бы там ни говорили те, кто пишет всякие рейтинги. Это действительно так. Но все-таки союзная академия была более мощная и более интересная, чем Российская академия наук. Мое искреннее мнение. Может быть, я не прав».

А в 2013 году началась реформа Академии наук, целью которой, кстати, официально заявленной, про которую как-то сейчас стараются не говорить, была ликвидация Академии наук, как ненужной организации, и это была очень большая ошибка. Академию наук удалось сохранить, но разница с прежней оказалась громадной. В первую очередь, у Академии наук отрезали институты и передали специально созданному Федеральному агентству научных организаций. Что такое Академия наук без институтов? То, что мы называем Академией наук, это мозг, который управлял сетью академических институтов. Сегодня это не так, хотя РАН старается управлять научной политикой через директоров институтов – членов РАН.

Кроме того, в РАН вошли две другие государственные академии – медицинских и сельскохозяйственных наук. Я не говорю, что это плохо. Тем не менее, структура стала совершенно другая, совершенно не похожая на структуру Академии наук СССР.

Трудности в начале профессионального пути

Помимо МФТИ, я также получил образование на факультете журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, окончил Всесоюзный юридический институт [**прим. ред.** — ныне Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина], Высшие курсы Военной академии Генерального штаба ВС РФ, а также Дипломатическую академию МИД России.

Физическое образование дало мне правильный взгляд на естественную картину мира, а юридическое образование дало реальный взгляд на социальную картину мира. Те сложности, с которыми я сталкивался, были сложностями, вынесенными еще из детства, из юношества, из семьи. Я был идеалистом и считал мир лучшим и более правильным, чем он есть на самом деле. Столкновение идеализма с реальной действительностью приводило к разным сложностям, но они, конечно, все были преодолимы.

На факультете журналистики.

50 лет спустя

В результате появились идеалистические воззрения, и продолжают до сих пор, может быть.

Сейчас я думаю, даже хорошо, что я видел мир и людей лучшими, чем они были на самом деле.

Начало работы помощником Президента России

*С М.С. Горбачевым. 2018
(Фото из личного архива)*

Работа у Михаила Сергеевича Горбачева, тоже крайне интересная для меня, хотя и продолжалась недолго, привела к выводу, что из сделанных предложений принимается примерно 3%, то есть, я чувствовал, что мой КПД у него не превышал КПД паровоза, что очень мало. Однако, сама работа была крайне интересна, я многому научился.

Когда стал работать у Бориса Николаевича Ельцина, обнаружил, что КПД резко возрос, примерно до 30% — очень большой скачок, и понимание, что твои предложения тут же идут

в дело, тут же начинают работать, производили сильное впечатление. Это одна из ярких эмоций.

Коллектив очень хороший сложился в группе помощников Президента. Надо сказать, она не была частью Администрации Президента России — это была особая автономная структура. У каждого помощника стоял телефон без кнопок с надписью «Президент». Каждый имел право снять трубку и поговорить с Президентом, когда считал нужным, но мы не злоупотребляли этим правом. Каждый из помощников не обязан был вырабатывать общую со всеми позицию, а должен был докладывать свое мнение.

*Команда Президента Б.Н. Ельцина.
Встреча в 2010 г.
(Фото из личного архива)*

Тогда информация доводилась до Президента по разным каналам. Президент мог перепроверять свои впечатления и представления о чем-то. Эта команда, в которой постепенно возникло глубокое взаимопонимание, дорогого стоит. Где бы ты ни работал, если работаешь в коллективе, большом, небольшом, даже в какой-нибудь малой группе, если в коллективе есть полное взаимопонимание, то это счастье. Ты понимаешь, что твоя эффективность многократно умножилась благодаря людям рядом, и это тоже яркое впечатление.

Если говорить о практике, то самые мои сильные впечатления связаны с более поздним периодом, я стал помощником по национальной безопасности, а затем секретарем Совета обороны РФ. Работа была связана с постоянными выездами в регионы, в воинские части, в разные организации. По сути, я был помощником не только у Президента, но помогал пограничникам, например морякам, ученым, той же Академии наук.

*Таджикистан. 1996, февраль
(Фото из личного архива)*

*В частях ФАПСи. 1994, май.
(Фото из личного архива)*

Самые яркие впечатления появляются, когда выходишь из-за стола в своем кабинете и погружаешься в жизнь, причем в жизнь самую разную и на разных территориях, в разных местах огромной нашей страны: и на Дальнем Востоке, и в Калининграде, и на юге, и на севере. И везде жизнь разная, со своими проблемами, твои представления становятся многограннее. Когда ты можешь что-то сделать и делаешь, тут и появляются яркие впечатления.

Знакомство с ПИР-Центром

Знакомство началось с журналистского коллектива, который собирался в «Московских новостях». Я часто там бывал у Егора Яковлева. На площадке «МН» образовалась группа журналистов во главе с Владимиром Орловым, которая решила, что надо придумать совершенно новое издание. Так и произошло, появился журнал *Ядерный Контроль*, что стало достаточно неожиданным для меня, но прямо затрагивало сферу моих профессиональных интересов. Осень 1994 года. Я уже помощник Президента по национальной безопасности и даже помог чем-то в организации ПИР-Центра. Где-то в октябре позвонил Владимир Орлов и пригласил на презентацию нулевого номера.

*Обращение Юрия Батурина
к читателям журнала
Ядерный Контроль,
3 ноября 1994*

Что мне тогда импонировало в команде ПИР-Центра? Вообще, в те времена создавалось множество некоммерческих организаций такого рода, так как это было легко, и среди них ПИР-Центр. Все они начинали примерно в одинаковых условиях.

Вспоминается мысль писателя Михаила Пришвина, высказанная в автобиографическом романе «Кашеева цепь»: деревенька с соломенными крышами и земляными полами, за ней отделенная невысоким валом, усадьба помещика, за усадьбой – церковь, рядом с церковью «Поповка», где жили священник, дьякон и псаломщик.

Одна судьба человека, родившегося в деревне под соломенной крышей, другая – в Поповке и третья – в усадьбе. Как говорят физики, все зависит от начальных условий, чрезвычайно важных для развития каждой из организаций. Для ПИРа важным на начальном этапе стало взаимодействие с журналистским коллективом «Московских новостей», который неожиданно для меня сунулся в научную сферу, и не просто в научную сферу, а в критически важную, где без науки не обойтись. Так появился *Ядерный Контроль*.

Презентация сотого номера журнала Индекс Безопасности.

*(Слева направо): Николай Спасский, Юрий Батурин,
Константин Косачев, Сергей Рябков. Москва, 19 апреля 2012*

А я в то время преподавал, да и сейчас преподаю, и не прерывал преподавание на журфаке МГУ. Постоянно там бывал, и даже вел семинары в Кремле. Это сейчас представить трудно... Помощник президента выписывает пропуска группе в 10 студентов — они приходят, и в кабинете проходит семинар. Преподавание в МГИМО и на Физтехе пришлось временно приостановить – далеко расположены.

А факультет журналистики — буквально напротив Кутафьей башни.

*Семинар на журфаке МГУ
(Фото из личного архива)*

Когда Борис Николаевич брал трубку и вызывал меня к себе, дойти от моего кабинета до его кабинета — семь минут из одного корпуса в другой. Семь минут. Он это тоже знал и семь минут спокойно ждал. Я замерил, дойти от аудитории на факультете журналистики через Кутафью башню до кабинета Президента те же семь минут, поэтому я продолжал преподавать на журфаке, не бросал. Но, бывало, так плотно дела концентрировались, что не выйдешь. Тогда и вызывал студентов к себе.

В ПИР–Центре, помню студентку факультета журналистики МГУ Людмилу Баландину. Она не у меня училась, но в коридорах факультета встречались.

Вот у вас, у ПИР–Центра своя дорога сложилась. Дорога очень интересная. ПИР–Центр, в общем, здорово вырос. Весь период его становления я не переставал наблюдать за деятельностью организации, что и сейчас делаю с большим удовольствием.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Интервью: Артем Аствацатуров

Редактура: Артем Аствацатуров